

В.Н. Бадмаев*

*Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста, Калмыкия
(E-mail: badmav07@yandex.ru)*

Востоковедение и полицентричность современного мира

В статье отмечается необходимость обсуждения не только и не столько дихотомии «Восток–Запад», сколько концепций ориентализма и оксидентализма, поскольку во главе угла должна находиться задача по поиску путей и способов восприятия Востока Западом и наоборот. В этой связи следует говорить о смене научной картины мира и научной парадигмы. Прежняя научная парадигма, которая исторически основывалась на традиционной дихотомии «Восток–Запад», «Европа–Азия», уже перестала отвечать изменившейся объективной социальной реальности. Современная научная картина мира должна основываться на понимании научно-гуманитарного единства мира, его глобально-планетарной целостности. Культурно-цивилизационное многообразие планеты детерминирует понимание равнозначности, равноважности, равноценности всех культур и конфессий мира. По этой причине современное востоковедение должно быть не только «европейской, западной», но и «азиатской, восточной», и мировой наукой. Современное научное востоковедение также должно учитывать парадигму постнеклассической картины мира, где человек не противопоставляется миру, а вписан в него и включен в него. Здесь важно не дистанцирование от объекта исследования в целях получения объективного научного знания, а, наоборот, исследователь должен быть погружен, вовлечен в исследуемый материал. Постановка и исследование данной масштабной проблемы позволит расширить проблемное и предметное пространство философского востоковедения, сформировать новые научные направления философской компаративистики, опираясь на богатейшее наследие философской мысли Востока, понимая полицентричность мира и самой философии.

Ключевые слова: востоковедение, философское востоковедение, философская компаративистика, знание о Востоке, Восток, Запад, полицентричный мир, диалог.

Введение

Глобальные изменения современного ландшафта сопровождаются проявлением контуров нового мира с обновлёнными «центрами силы», появлением новых полюсов, определяющих векторы мирового развития. Наблюдаются дестабилизация и распад глобального мира на локально-региональные составляющие, которые служат материалами для выстраивания нового миропорядка на полицентричной основе, отражающей культурно-цивилизационное многообразие мира. Многополярность, полицентричность, идентификационный поворот на Восток — это новые характеристики формирующейся реальности и международного порядка.

Появляются новые центры развития (Глобальный Юг и Восток, расширение БРИКС и ШОС, возрастание роли исламского и буддийского миров), представляющие различные цивилизации, культуры, религии, макрорегионы, формируются контуры полицентричной архитектуры, где отдельные ее части имеют независимый и самостоятельный характер, а их взаимодействие отличается небывалым динамизмом и отсутствием какой-либо иерархии.

* Автор-корреспондент. E-mail: badmav07@yandex.ru

В этой связи можно говорить о начале формирования «глобального Востока» — если не как альтернативы давно существующему «глобальному Западу», но как равного партнера в так необходимом для мира глобальном диалоге. Так, характеризуя деятельность БРИКС (куда входят Бразилия, Россия, Индия, КНР, Южная Африка, ОАЭ, Иран, Египет и Эфиопия, с общим населением около 3,5 млрд человек, или 45 % населения планеты), премьер-министр Индии Нарендра Моди отметил, что БРИКС — это не антизападное объединение, оно просто не западное.

Следуя этой логике, министр иностранных дел Индии С. Джайшанкара высказал мысль, что мир — это гораздо больше, чем Европа. Понятно, что смысл этого высказывания в том, что мир гораздо больше, чем Запад [1]. Более того, по его же мнению, долгосрочные последствия конфликтов в Ираке и Афганистане и относительное снижение экономического веса США — симптомы наступления полицентричного мира [2].

Современный мир приобретает характеристики не только полицентричности, но и незападности. Вернее, не только «не-западности», но и «восточности».

Современные мировые процессы, характеризуемые неустойчивостью, геополитической турбулентностью, новым вызовами практически во всех сферах общественного развития и международных отношений, требуют поисков новой архитектуры стабильности и многостороннего сотрудничества, понимания необходимости нового глобального диалога.

Методы

В этом плане важна философско-методологическая база, которая способствовала бы смене прежнего понимания дихотомии «Восток–Запад», «Европа–Азия», «Север–Юг» на новую научно-гуманитарную картину мира, необходимую для равноправного диалога всех мировых культур и цивилизаций [3].

В данном контексте особый смысл приобретает современный идентификационный поворот России на Восток. И дело здесь не только и не столько в реанимировании идей «Паломничества в страну Востока» (Гессе) и «Ex oriente lux». Российский «исход к Востоку» имеет свои глубокие исторические корни и серьезные научные востоковедные основания.

Необходимо отметить, что отношение к востоковедению, востоковедному научному знанию, целям и методам его получения, накопления, интерпретации, его систематизация изменялись на протяжении различных исторических эпох. При этом многие вопросы, стоящие перед современным востоковедным сообществом, остались прежними, они уходят корнями в историю самой востоковедной науки. Это, например, проблемы соотношения научной и практической составляющих в исследованиях, структуры и статуса самой востоковедной науки, её места в системе научного знания и т. д.

Ни в коей мере не ставя задачу фундаментального исследования указанных вопросов, обратимся в рамках известного тезиса М. Блока «Мыслить проблемами!» к основным, на наш взгляд, проблемам современного востоковедения.

Обсуждение и результаты

В первую очередь, это вопросы о месте востоковедной науки в системе научного знания.

Как известно, научное востоковедение в Западной Европе зародилось в XVIII в., получив дальнейшее динамичное развитие в XIX столетии. «В первую очередь это касалось стран, обладавших колониями, — Англии, Франции, Голландии, а позднее Германии и Италии. В Испании и Португалии, хотя еще и сохранивших колонии, но уже утративших к этому времени роль первостепенных держав, востоковедные исследования, имевшие традиции в изучении религии, сократились. Развитие востоковедения отражало политические и социально-экономические реалии» [4; 3]. К середине XIX века Восток стал, говоря словами Бенджамина Дизраэли, «профессией, чем-то таким, где можно было переделать и воссоздать вновь не только Восток, но и самого себя» [5; 263].

Становление и формирование российского востоковедения было напрямую связано с решением стратегических задач российского государства. Собственно говоря, проблема «Восток и Россия» выступает важным фактором развития российской истории и культуры, российской государственности, самой российской цивилизации. Для России, находящейся на границе Европы и Азии и имеющей культурно-исторические связи с восточными народами, всестороннее изучение Востока имело характер государственной задачи, что и предопределило практическую направленность российского востоковедения.

Как отмечал академик Н.И. Конрада, «наряду с практическим востоковедением, как стали обозначать это направление в изучении Востока, развивалась и та отрасль востоковедной работы, которая получила наименование научного востоковедения. Толчком к его развитию послужил более глубокий интерес к Востоку» [6; 9].

Российское научное востоковедение имело три основных направления своего развития:

1. Практическое востоковедение, направленное на обеспечение в первую очередь внешней политики российского государства.
2. Традиционные школы восточных народов России, где изучались история, религия и культура как своей страны, так и сопредельных восточных государств.
3. Западная ориенталистика, ориентированная на переводы на русский язык трудов, изданных в европейских центрах ориенталистики, приглашения европейских ученых-востоковедов для научной работы в Россию [4; 368–369].

Как отмечается в «Истории отечественного востоковедения», к середине XIX столетия востоковедение являлось комплексом наук, в которых внутренняя научная специализация только намечалась. ««Комплексное» востоковедение при определенных преимуществах предполагаемого им широкого охвата не позволяло углубиться ни в одну из составляющих его отраслей, не оставляло возможности овладеть методикой, специфической для каждой из названных выше дисциплин. Уровень ориенталистики был таков, что размежевание составлявших ее дисциплин еще состояться не могло — она находилась в состоянии «нерасчлененного» развития. Главным содержанием востоковедных исследований было выявление, перевод и комментарий древнего или средневекового источника [4; 371].

Во второй половине XIX столетия в России формируются новые научные дисциплины, происходит дальнейшая специализация востоковедной науки. «В русской философии и поэзии образ Востока обычно возникал в связи с темой исторических судеб России, ее места между Европой и Азией. В русской науке чисто колониальная идеология была представлена чрезвычайно слабо. Это давало ей безусловные преимущества в непредвзятом изучении восточной культуры» [7; 476].

Академик Н.И. Конрад в своей статье «Старое востоковедение и его новые задачи» отмечает, что «Научное востоковедение родилось как филология, как наука о письменных памятниках» [6; 7]. Далее он выдвигает тезис о появлении у востоковедения новой задачи: «задачи реконструировать некоторые положения общей теории общественного развития» [6; 23]. При этом достижение данной задачи, по его мысли, было сопряжено с преодолением европоцентризма — «если иметь в виду науки гуманитарные, научный европоцентризм всегда таит в себе опасность механического перенесения категорий, открытых в истории и культуре стран Запада, на явления, наблюдаемые в истории и культуре стран Востока» [6; 24].

В этой связи Конрад делает вывод, «востоковедение как особая отрасль научного исследования будет существовать до тех пор, пока не будет достигнута его новая цель — способствовать своим материалом разработке общей теории, охватывающей все стороны истории и культуры человечества, теории, построенной на истории всех народов, без разделения их на восточные и западные, и проверенной доступным нам историческим опытом» [6; 28].

В данном контексте обратимся к мнению редакторов двух коллективных трудов «Введение в востоковедение. Общий курс» (отв. ред. Е.И. Зеленева, В.Б. Касевич) и «Концепция современного востоковедения» (отв. ред. Е.И. Зеленева, В.Б. Касевич) [8; 11]. По их мнению, современное востоковедение должно «обрести надотраслевую научную парадигмальность, сохраняя собственную обособленность и впитывая в себя методики и понятийный аппарат десятков других наук» [9; 7].

Во «Введении» В.Б. Касевич признает, что «общей теории востоковедения в сколько-нибудь явном виде на сегодняшний день не существует» [8; 23], однако, он считает, что такая теория «необходима» и ее следует «искать» [8; 21].

По мнению Л.Б. Алаева, востоковедение занимает «неустойчивое положение между основными направлениями науки» [10; 16]. Постоянно возникает вопрос о статусе и идентичности востоковедной науки. С одной стороны, она распадается на страново-регионоведческие дисциплины: арабистику, индологию, синологию и т.п. С другой стороны, историки, экономисты, филологи и религиоведы, изучая одну страну, рассматривают различные аспекты ее исторического, социально-экономического, политического развития, не имея общей ее картины.

Другая проблема востоковедной науки состоит в ее многоаспектности, комплексности, не позволяющей углубиться в однородный материал, использовать один или ограниченное количество приемов (методов). Есть востоковеды-лингвисты, востоковеды-филологи, историки, экономисты [10; 18].

В этой связи возникают фундаментальные вопросы: «Существует ли Восток как цельный объект изучения? Содержательны ли понятия «восточная литература», «восточные языки», «восточное языкознание», «восточные религии?»» [10; 24].

В результате своих рассуждений Л.Б. Алаев формулирует основной вопрос востоковедения, который сводится к сравнению Востока с Западом: «Что есть Восток?», «Почему он не Запад?», «Им никогда не сойтись?» [10; 259].

Другой, не менее важный, вопрос связан с философскими аспектами востоковедения, философским востоковедением, синтезом востоковедных и философских исследований, с включением «восточного материала» в философский дискурс.

Как известно, долгое время господствовал тезис, согласно которому «колыбелью философии» была античная мысль Греции и идея существования какой-либо иной, кроме западной, философии являлась бесосновательной. Гегель в своих «Лекциях по истории философии», отмечая, что «первой по времени является так называемая восточная философия», писал: «Выражение «восточная философия» употребляется преимущественно для обозначения того периода, когда это великое всеобщее восточное воззрение соприкоснулось с Западом» [11; 160].

Но постепенно с изменением «угла зрения ориенталистов» происходит переоценка в возможности «рассматривать и оценивать феномены «восточной» мысли в контексте общечеловеческой культуры, всемирной истории философии» [12; 154]. Конечно, это было сопряжено с рядом методологических сложностей. Еще академик Н.И. Конрад отмечал, «нам довольно хорошо известна история философской мысли в Индии и Китае. Но обычно мы изучаем появление и развитие идей и концепций, то есть саму философскую мысль, и мало обращаем внимания на то, как в этих странах понимали и оценивали эти идеи и концепции; иначе говоря, оставляем без должной оценки науку, предметом которой является философская мысль» [6; 26].

По его мнению, исследователи прилагают «к оценке философских идей Востока обозначения, сложившиеся в философской науке у нас, в Европе, такие, например, как материализм, идеализм, рационализм, интуитивизм, мистицизм, критицизм, монизм, плюрализм и т.п., даже не подумав всерьез о том, — подходят ли вообще эти обозначения к тому, что мы хотим обозначить ими; не лучше ли обратиться к тем обозначениям и характеристикам, которые выработаны научной мыслью там же — на Востоке; не соответствуют ли именно эти обозначения природе и содержанию обозначаемых ими явлений. Во всяком случае первое, что мы должны сделать, — это обратить самое пристальное внимание на эти обозначения, постараться понять их из них самих, как они сложились в истории философской мысли в данной стране. Надо полностью учитывать, что и в Индии, и в Китае в древности и в средние века существовала не только богатая, всесторонне развитая философская мысль, но и наука о философии со своей терминологией, своей технической номенклатурой». «Моделирование основных философских категорий должно быть произведено путем сопоставления и оценки всего материала — и западного, и восточного» [6; 27].

Дальнейшее развитие востоковедного знания приводит к тому, что происходит «логический переход отечественного философского востоковедения от накопления знаний о конкретных персоналиях, памятниках, школах, направлениях и даже этапах развития истории восточной мысли к обобщающим заключениям касательно тех отличительных особенностей каждой из философских традиций Востока, которые позволяют ее идентифицировать и отличить от других. Выявление «оснований», «сущностных характеристик» или «универсалий» восточных культур продиктовано также соображениями, выходящими за рамки положения дел в собственно российской ориенталистике» [13; 5].

Историко-философское востоковедение в его различных конкретных направлениях (историко-философская арабистика, индология, синология, японистика и т.д.) оформляется в качестве научной дисциплины. Но, по мысли А.В. Смирнова, «историко-философское востоковедение — это не просто соединение того и другого, это не результат смешения двух подходов в какой-нибудь пропорции (две части истории философии на одну часть востоковедения или наоборот). Как перевод — это не знание двух языков: можно знать их в совершенстве и совсем не уметь переводить, так и историко-философское востоковедение — это не владение двумя сторонами — историко-философской и востоковедной. Точнее, такое владение — лишь необходимое, но совсем не достаточное условие. Чтобы историко-философское востоковедение возникло, необходимо чтобы сформировалась специфическая область исследования со своими задачами, которые не могут быть решены ни традиционными исто-

рико-философскими методами, ни методами «обычного» востоковедения, и, чтобы в соответствии с этими задачами были разработаны особые методы исследования» [14; 9].

Для современных философско-востоковедных исследований эвристическое значение имеют межкультурная философия, философская компаративистика, ставящие задачу постижения и достижения межкультурного диалога [15–21].

Приведем в этой связи определения философской компаративистики. Так, В.К. Шохин дает следующее определение: философская компаративистика — это «область историко-философских изысканий, предметом которых является сопоставление различных уровней... (понятия, доктрины, системы) философского наследия Востока и Запада» [22; 45].

Здесь следует отметить различное понимание философской компаративистики в западном и российском научном дискурсе. Как отмечает А.В. Смирнов, компаративистика, как она понимается на Западе, — это «далеко не то же самое, что историко-философское востоковедение как синтетическая дисциплина. На Западе до сих пор принято очень тщательно разграничивать сферы компетенции философа и востоковеда, и это разграничение, зафиксированное весьма жестко в академической структуре, ясно обнаруживается и в творчестве двух категорий мыслителей». Компаративистика стала «еще одним аспектом — и аспектом немаловажным — историко-философского востоковедения. Существенным отличием от западной компаративистики явилось то обстоятельство, что сравнительные штудии здесь имеют тенденцию стать составной частью общих историко-философских востоковедных исследований» [14; 10].

По мнению А.С. Колесникова, «философская компаративистика имеет «горизонтальное» (культурно-географическое) и вертикальное (историко-философское) направления исследований. Они взаимосвязаны, но первое направление акцентирует диалог культуры Востока и Запада, как и методологическое прояснение концептов Восток, Запад, Юг, Север (как культурных феноменов), осознание их уникальности и поиск путей возможного диалога. Второе направление проблематизирует эволюцию формирования сравнительного метода в истории философии (от метафизического представления о соразмерности космоса в античности до логического понимания сравнения как базисной операции рассудка в философии Нового времени) и сравнимости философии и культуры Востока» [23; 20].

На наш взгляд, необходимо обсуждение не только и не столько дихотомии «Восток–Запад», сколько концепций ориентализма и оксидентализма, поскольку во главе угла должна находиться задача по поиску путей и способов восприятия Востока Западом и наоборот.

Напомним, что европейская трактовка Востока получила название «ориентализм», имеющее негативные коннотации на самом Востоке и среди критически по отношению к западной системе настроенных западных же ученых, а изображение Запада, нередко упрощенное и часто отрицательное, восточными исследователями, известно как «оксидентализм». По мнению Е. Штейнера, «удобные (и кажущиеся фундаментальными) таксоны вроде «восток» и «запад», рассматриваемые с разных точек полицентричного мира, оказываются культурно детерминированными, подвижными и относительными концептами. Что может быть стопроцентно восточным или стопроцентно западным? Какую оптику и какой язык описания должен использовать исследователь, чтобы быть максимально адекватным исследуемому инокультурному объекту?» [24].

Как известно, существенный вклад в дисциплинарное и концептуальное оформление этих исследований внес американский социолог и культуролог палестинского происхождения Эдвард Вади Саид (1935–2003). Сама постановка проблемы и начало довольно активных дискуссий вокруг нее связаны с его известной книгой «Ориентализм» (1978), посвященной критике всей западной традиции понимания Востока и взаимодействия с ним. Ориентализм Саида определяет Восток не в географическом (East), а в культурологическом смысле (Orient). По мнению Э. Саида, ориенталисты не только исследовали Восток, но и конструировали свой объект исследования. В данном контексте Восток предстает не только как ментальный конструкт западной ориенталистской традиции, но и в прямом смысле ее порождение. Саид задается вопросом — почему, собственно, Восток не может противопоставить ангажированной и потому не совсем точной репрезентации Запада собственную, более объективную автопрезентацию, самому выработать собственный более аутентичный образ?

В этой связи необходима актуализация фундаментальной научно-методологической проблемы: каким образом возможно адекватное представление одной культуры в другой, существенным образом от нее отличной?

Продолжая дискуссии относительно перспектив развития востоковедения А.В. Лукин, отмечая, что «изучение Востока, или востоковедение, — явление западное, европейское», предлагает сделать

предметом востоковедения уровень вестернизации азиатских и африканских обществ, механизмы взаимодействия западной культуры с традиционными структурами и его последствия, а также изучение этих структур в контексте последующей вестернизации [25]. Представляется, что данный подход не в полной мере отвечает сложившимся реалиям современного мира, не учитывает специфику самих восточных обществ, их собственной истории и традиций, отличающихся от западных.

На наш взгляд, востоковедение должно развиваться с учетом следующих принципиальных аспектов:

Во-первых, прежняя научная парадигма в рамках традиционной дихотомии «Восток–Запад», «Европа–Азия», уже перестала отвечать изменившейся социальной реальности. Необходимо понимание научно-гуманитарного единства мира, его глобально-планетарной целостности.

Во-вторых, культурное многообразие планеты, которое должно основываться на понимании равнозначности и равноважности всех культур и конфессий мира, обуславливает и то, что востоковедение должно быть не только «европейской, западной», но и «азиатской, восточной», и мировой наукой. Важно не только то, что «Запад думает о Востоке», но и то, что «Восток думает о самом себе».

В-третьих, современное востоковедение должно учитывать парадигму постнеклассической картины мира, где человек не противопоставляется миру, а вписан в него и включен в него. Здесь важно не дистанцирование от объекта исследования в целях получения объективного научного знания, а, наоборот, исследователь должен быть погружен, вовлечен в исследуемый материал.

Философское востоковедение, вводя «восточный материал» в понятийные историко-философские лексиконы, выявляя взаимодействие универсального и партикулярного (уникального), дает возможность интерпретировать его в общеполитических типологических категориях, расширяет повестку современной философской проблематики.

Постановка и исследование данной масштабной проблемы позволит расширить проблемное и предметное пространство философского востоковедения, сформировать новые научные направления философской компаративистики, опираясь на богатейшее наследие философской мысли Востока, понимая полицентричность мира и самой философии.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-03004, <https://rscf.ru/project/24-48-03004/>.

Список литературы

- 1 Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на международном форуме «Примаковские чтения», Москва, 27 ноября 2023 года. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.primakovreadings.ru>
- 2 Dominance of US is changing... Washington is adjusting to multipolar world': Jaishankar. Hindustan Times. — 2023. — [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.hindustantimes.com/india-news/dominance-of-us-is-changing-washington-is-adjusting-to-multipolarworld-jaishankar-101695821761148.htm>
- 3 Бадмаев В.Н. Востоковедение как философский дискурс знания о Востоке / В.Н. Бадмаев // Вестн. Калмыц. ун-та. — 2020. — № 1. — С. 84–90.
- 4 История отечественного востоковедения до середины XIX века. — М.: Наука; Гл. ред. восточной литературы, 1990. — 435 с.
- 5 Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э.Саид; пер. А.В. Говорунова. — СПб.: Русский Мир, 2006. — 640 с.
- 6 Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи / Н.И. Конрад. — М.: Наука, 1972. — 498 с.
- 7 История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. — М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. — 536 с.
- 8 Введение в востоковедение. Общий курс / под ред. Е.И. Зеленева и В.Б. Касевича. — СПб.: КАРО, 2011. — 584 с.
- 9 Концепции современного востоковедения / под ред. Е.И. Зеленева, В.Б. Касевича. — СПб.: КАРО, 2013. — 464 с.
- 10 Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока / Л.Б. Алаев. — М.: ЛЕНАНД, 2019 — 504 с.
- 11 Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. — Кн. 1 / Г.В.Ф. Гегель. — СПб.: Наука, 1993. — 350 с.
- 12 Степанянц М.Т. Отечественное философское востоковедение: проблемы и перспективы развития (к 30-летию создания сектора философии зарубежного Востока Ин-та философии АН СССР) / М.Т. Степанянц // Народы Азии и Африки. — 1990. — № 5. — С. 151–158.

- 13 Универсалии восточных культур. — М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 431 с.
- 14 Степанянц М.Т. Мир Востока. Философия: прошлое, настоящее, будущее / М.Т. Степанянц. — Институт философии. — М.: Восточная литература, 2005. — 375 с.
- 15 Колесников А.С. Центр философской компаративистики и сравнительных социогуманитарных исследований (1992–2014) / А.С. Колесников // Вестн. СПб. ун-та. — 2016. — Сер. 17, Вып. 1. — С. 158–165.
- 16 Лысенко В.Г. Сравнительная философия или межкультурная философия в перспективе постколониальных исследований / В.Г. Лысенко // Философские науки. — 2017. — № 5. — С. 7–27.
- 17 Степанянц М.Т. «Когнитивная скромность» Рам Адхар Малла / М.Т. Степанянц // Vox. — 2017. — № 24. — С. 195–203.
- 18 Степанянц М.Т. От европоцентризма к межкультурной философии / М.Т. Степанянц // Вопросы философии. — 2015. — № 10. — С. 150–162.
- 19 Степанянц М.Т. Предпосылки к развитию межкультурной философии (опыт Индии) / М.Т. Степанянц // Вопросы философии. — 2017. — № 8. — С. 20–29.
- 20 Степанянц М.Т. Манифест вновь нарождающейся философии / М.Т. Степанянц // Вопросы философии. — 2018. — № 9. — С. 5–12.
- 21 Степанянц М.Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы / М.Т. Степанянц; Институт философии РАН. — М.: Наука; Восточная литература, 2020. — 183 с.
- 22 Шохин В.К. Философская компаративистика / В.К. Шохин // Новая философская энциклопедия. — 2001. — Т. 4. — С. 245–246.
- 23 Колесников А.С. Методология компаративистского изучения философии и культуры Востока / А.С. Колесников // Вестн. Русс. христиан. гуманитар. акад. — 2008. — Т. 9, Вып. 1. — С. 19–29.
- 24 Штейнер Е.С. Ориентализм /оксидентализм: языки культур и языки их описания / Рос. Ин-т культурологии; материалы Междунар. науч. конф. (23—25 сентября 2010 г.). — М.: Совпадение, 2012. — 416 с.
- 25 Лукин А.В. Востоковедение: предмет и перспективы развития в России / А.В. Лукин // Вестн. СПбГУ. Востоковедение и африканистика. — 2023. — Т. 15, Вып. 2. — С. 234–252.

В.Н. Бадмаев

Шығыстану және қазіргі әлемнің полицентрлігі

Мақалада Шығыс-Батыс дихотомиясын ғана емес, шығыстану және оксидентализм ұғымдарын талқылау қажеттілігі атап өтілген, өйткені Батыстың Шығысты қабылдауының жолдары мен тәсілдерін табу міндеті бірінші орында тұруы керек. Шығыстану келесі принципті аспектілерді ескере отырып дамуы қажет: біріншіден, дәстүрлі «Шығыс-Батыс», «Еуропа-Азия» дихотомиясы шеңберіндегі бұрынғы ғылыми парадигма өзгерген әлеуметтік шындыққа жауап беруді тоқтатты. Әлемнің ғылыми-гуманитарлық бірлігін, оның ғаламдық-планетарлық тұтастығын түсіну керек. Екіншіден, әлемнің барлық мәдениеттері мен конфессияларының эквиваленттілігі мен маңыздылығын түсінуге негізделуі керек планетаның мәдени әртүрлілігі шығыстану тек «еуропалық, батыстық» ғана емес, «азиялық, шығыстық» және әлемдік ғылым болуы керек екенін анықтайды. «Батыстың Шығыс туралы не ойлайтыны» ғана емес, сонымен бірге «Шығыстың өзі туралы не ойлайтыны» да маңызды. Үшіншіден, қазіргі шығыстану әлемнің классикалық емес бейнесінің парадигмасын ескеруі керек, онда адам әлемге қарсы емес, оған жазылған және оған енгізілген. Мұнда объективті ғылыми білім алу үшін зерттеу объектісінен алшақтау маңызды емес, керісінше зерттеуші зерттелетін материалға еніп, қатысуы керек. Осы ауқымды проблеманы тұжырымдау және зерттеу философиялық шығыстанудың проблемалық және пәндік кеңістігін кеңейтуге, шығыстың философиялық ойының бай мұрасына сүйене отырып, философиялық салыстырудың жаңа ғылыми бағыттарын қалыптастыруға, әлемнің полицентрлігі мен философияның полицентрлігін түсінуге мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: шығыстану, философиялық шығыстану, философиялық компаративистика, Шығыс туралы білім, Шығыс, Батыс, полицентрлік бейбітшілік, диалог.

V.N. Badmayev

Oriental Studies and the Polycentricity of the Modern World*

The article notes the need to discuss not only and not so much the East-West dichotomy as the concepts of orientalism and occidentalism, since the task of finding ways and means of perceiving the East by the West and vice versa should be at the forefront. Oriental studies should develop taking into account the following fundamental aspects. Firstly, the former scientific paradigm within the framework of the traditional East-West, Europe-Asia dichotomy has already ceased to meet the changed social reality. It is necessary to under-

stand the scientific and humanitarian unity of the world, its global and planetary integrity. Secondly, the cultural diversity of the planet, which should be based on an understanding of the equivalence and equal importance of all cultures and faiths of the world, also determines that Oriental studies should be not only “European, Western”, but also “Asian, Eastern”, and world science. It is important not only that “The West thinks about the East”, but also that “the East thinks about itself”. Thirdly, modern Oriental studies should take into account the paradigm of the post-non-classical worldview, where a person is not opposed to the world, but is inscribed into it and included in it. It is important here not to distance oneself from the object of research in order to obtain objective scientific knowledge, but, on the contrary, the researcher should be immersed, involved in the material under study. The formulation and research of this large-scale problem will expand the problematic and subject space of philosophical Oriental studies, form new scientific directions of philosophical comparative studies, based on the rich heritage of philosophical thought of the East, understanding the polycentricity of the world and the polycentricity of philosophy itself.

Keywords: oriental studies, philosophical oriental studies, comparative philosophy, knowledge of the East, East, West, polycentric world, dialogue.

References

- 1 (2023). Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii S.V. Lavrova na Mezhdunarodnom forumе «Primakovskie chteniia» (Moskva, 27 noiabria 2023 goda). [Speech and answers to questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov at the international forum “Primakov Readings” (Moscow, November 27, 2023)]. Retrieved from <https://www.primakovreadings.ru/> [in Russian].
- 2 (2023). Dominance of US is changing... Washington is adjusting to multipolar world’: Jaishankar. Hindustan Times. Retrieved from <https://www.hindustantimes.com/india-news/dominance-of-us-is-changing-washington-is-adjusting-to-multipolarworld-jaishankar-101695821761148.htm>
- 3 Badmaev, V.N. (2020). Vostokovedenie kak filosofskii diskurs znaniia o Vostoke [Oriental Studies as a Philosophical Discourse of Knowledge about the East]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta — Bulletin of Kalmyk University*, 1, 84–90 [in Russian].
- 4 (1990). *Istoriia otechestvennogo vostokovedeniia do serediny XIX veka [History of Russian Oriental Studies to the Mid-19th Century]*. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury [in Russian].
- 5 Said, E. (2006). Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western Concepts of the East]. (A.V. Govorunov, Trans). Saint Petersburg: Russkii mir [in Russian].
- 6 Konrad, N.I. (1972). *Zapad i Vostok. Stati [West and East. Articles]*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 7 (1997). *Istoriia otechestvennogo vostokovedeniia s serediny XIX veka do 1917 goda [History of Russian Oriental Studies from the Mid-19th Century to 1917]*. Moscow: Izdatelskaia firma «Vostochnaia literatura» RAN [in Russian].
- 8 Zelenev, E.I., & Kasevich, V.B. (Eds.). (2011). *Vvedenie v vostokovedenie. Obshchii kurs [Introduction to Oriental Studies. General Course]*. Saint Petersburg: KARO [in Russian].
- 9 Zelenev, E.I., & Kasevich, V.B. (Eds.). (2013). *Kontseptsii sovremennogo vostokovedeniia [Concepts of Modern Oriental Studies]*. Saint Petersburg: KARO [in Russian].
- 10 Alaev, L.B. (2019). *Problematika istorii Vostoka [Problematics of the History of the East]*. Moscow: LENAND [in Russian].
- 11 Hegel, G.V.F. (1993). *Lektsii po istorii filosofii. Kniga 1 [Lectures on the History of Philosophy. Book 1]*. Saint Petersburg: Nauka [in Russian].
- 12 Stepaniants, M.T. (1990). Otechestvennoe filosofskoe vostokovedenie: problemy i perspektivy razvitiia (k 30-letiiu sozdaniia sektora filosofii zarubezhnogo Vostoka Instituta filosofii AN SSSR) [Domestic Philosophical Oriental Studies: Problems and Prospects of Development (on the 30th Anniversary of the Creation of the Sector of Philosophy of the Foreign East, Institute of Philosophy, USSR Academy of Sciences)]. *Narody Azii i Afriki — Peoples of Asia and Africa*, 5, 151–158 [in Russian].
- 13 (2001). *Universalii vostochnykh kultur [Universals of Eastern Cultures]*. Moscow: Izdatelskaia firma «Vostochnaia literatura» RAN [in Russian].
- 14 Stepaniants, M.T. (2005). *Mir Vostoka. Filosofii: proshloe, nastoiashchee, budushchee [The World of the East. Philosophy: Past, Present, Future]*. Moscow: Vostochnaia literatura [in Russian].
- 15 Kolesnikov, A.S. (2016). Tsentr filosofskoi komparativistiki i sravnitelnykh sotsiougumanitarnykh issledovaniia (1992–2014) [Center for Comparative Philosophical Studies and Comparative Social and Humanitarian Research (1992–2014)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta — Bulletin of Saint Petersburg University*, 17, 1, 158–165 [in Russian].
- 16 Lysenko, V.G. (2017). Sravnitelnaia filosofii ili mezhkulturnaia filosofii v perspektive postkolonialnykh issledovaniia [Comparative Philosophy or Intercultural Philosophy in the Perspective of Postcolonial Studies]. *Filosofskie nauki — Philosophical Sciences*, 5, 7–27 [in Russian].
- 17 Stepaniants, M.T. (2017). «Kognitivnaia skromnost» Ram Adkhar Malla [“Cognitive Modesty” by Ram Adhar Malla]. *Vox*, 24, 195–203 [in Russian].
- 18 Stepaniants, M.T. (2015). Ot evropotsentrizma k mezhkulturnoi filosofii [From Eurocentrism to Intercultural Philosophy]. *Voprosy filosofii — Questions of Philosophy*, 10, 150–162 [in Russian].

- 19 Stepaniants, M.T. (2017). Predposylki k razvitiu mezhkulturnoi filosofii (opyt Indii) [Prerequisites for the Development of Intercultural Philosophy (Indian Experience)]. *Voprosy filosofii — Questions of Philosophy*, 8, 20–29 [in Russian].
- 20 Stepaniants, M.T. (2018). Manifest vnov narozhdaushcheisia filosofii [Manifesto of the Emerging Philosophy]. *Voprosy filosofii — Questions of Philosophy*, 9, 5–12 [in Russian].
- 21 Stepaniants, M.T. (2020). *Mezhkulturnaia filosofia: istoki, metodologiya, problematika, perspektivy* [Intercultural Philosophy: Origins, Methodology, Problems, Prospects]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura [in Russian].
- 22 Shokhin, V.K. (2001). Filosofskaia komparativistika [Comparative Philosophical Studies]. *Novaia filosofskaia entsiklopediia — New Philosophical Encyclopedia*, 4, 245–246 [in Russian].
- 23 Kolesnikov, A.S. (2008). Metodologiya komparativistskogo izucheniia filosofii i kultury Vostoka [Methodology of Comparative Study of Philosophy and Culture of the East]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii — Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 9, 1, 19–29 [in Russian].
- 24 Shteiner, E.S. (2012). Orientalizm /oksidentalizm: yazyki kultur i yazyki ikh opisaniia [Occidentalism: Languages of Culture vs. Languages of Description]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii — Materials of the International scientific conference*. Moscow: Sovpadenie [in Russian].
- 25 Lukin, A.V. (2023). Vostokovedenie: predmet i perspektivy razvitiia v Rossii [Oriental Studies: Subject and Development Prospects in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika — Bulletin of St. Petersburg University. Oriental Studies and African Studies*, 15, 2, 234–252 [in Russian].

Сведения об авторе

Бадмаев Валерий — доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста, Калмыкия; <https://orcid.org/0000-0003-1066-8314>

Information about the author

Badmayev Valery — Doctor of Philosophy, Professor, Kalmyk State University named after B.B. Gorodoviko, Elista, Republic of Kalmykia; <https://orcid.org/0000-0003-1066-8314>